

ЯПОНИЯ – ЛЮБОВЬ МОЯ!

Кто и за что в России любит японскую литературу

..Вся Япония – ..воплощение изящества, ритма, ума, благоговейного трудолюбия, тонкой внимательности... Несколько недель счастья в раме сказочной красоты, и ни одной минуты испорченной, ни единого мгновения, чем-нибудь затемненного...»

Константин Бальмонт

(воспоминания о путешествии в Японию в 1916 году)

Любить «с придыханием»

Россия и Япония... Очень близко. И в то же время – очень далеко. Не только много миль воды, не только неохватная, малонаселенная Сибирь лежит между нами.... Существенные различия в менталитете и в отношении к жизни – вот межа, по которой проходят границы взаимопонимания (или *не*понимания) русских и японцев. Тем более поражает градус интереса к японской культуре (в частности, к литературе) в современной России.

Опустим начальный этап развития отношений наших стран, первые контакты и первые исследования и описания Японии русскими путешественниками и писателями, историю взаимного культурного влияния... Об этом уже написано десятки тысяч страниц. Поговорим о переводах на русский язык японской художественной литературы в советский и особенно в постсоветский период. О том, как понимают и принимают японскую литературу наши российские современники.

Считается, что сейчас в России *бум* Японии. Во всяком случае, последнее время мы наблюдаем самый значительный всплеск интереса к Японии, ее культуре и быту за всю историю отношения наших стран. Не будем спорить и согласимся с этим утверждением. Однако заметим, что нынешний *бум* существенно отличается от всех предыдущих, так как носит двойственный характер – он затрагивает не только элитарную культуру, но и массовую культуру, а также культуру быта. Насколько правдив образ Японии, который нарисовали себе мои современники, – большой вопрос. Полностью разделяю мнение тех, кто считает, что «русский» образ Японии – скорее миф, чем реальность. Тем не менее, россияне со всепоглощающей страстью любят именно ту Японию, которую они нарисовали *в своем воображении*, и с этим ничего не поделаешь. Переубеждать бесполезно. Соответственно и японскую литературу они также пропускают через призму своего понимания Японии – часто вопреки стараниям специалистов-японистов и переводчиков донести до них образ НАСТОЯЩЕЙ Страны Восходящего Солнца.... При столкновении с реальной Японией у фанатов случается коллапс сознания, и они с возмущением отвергают то, что не соответствует их представлениям. К сожалению, это относится и к японской литературе. Подробнее об этом скажу в конце.

Япония в современной России – это символ красивой, сытой, стабильной жизни. Где суси можно поесть на каждом углу (это правда), а деньги и

предложения о работе/замужестве сыплются с неба (это фантазии). А также Япония – страна утонченной, эксклюзивной культуры (правда, но только отчасти, есть и другие, не столь изысканные культурные явления). Japanese life stile – вожденный идеал для многих россиян. Увлеченность Японией стала не просто модой, а устойчивой тенденцией, почти элементом истеблишмента и показателем социального статуса.

При этом стоит разделить увлеченность Японией в России на «культуру цветов» и «культуру корней». К «цветам» относится «чистая» культура, которая активно прививается в России «сверху» - при содействии Посольства Японии в РФ, Японского Фонда, российских вузов, где преподают японский язык, курсов японского языка, всевозможных японских центров, ориентологических научных институтов, журналов и издательств, а также клубов, которые распространяют японскую культуру среди российского населения. К «культуре цветов» можно отнести литературу, особенно классическую, театр и пр. «высокие» искусства. В первую очередь традиционные.

Однако элитарная сфера «цветов» охватывает все же довольно ограниченный и специфический контингент россиян – это специалисты по Японии, люди старшего поколения, выросшие на классической японской литературе (а также *хорошей* современной литературе Японии), интеллектуальная эстетствующая элита и сравнительно узкая прослойка молодых фанатов Японии, ориентированных на высокий уровень и изысканность культурного «продукта».

Кстати, поражает буквально зашкаливающий интерес простых россиян к философии дзэн и связанными с практикой дзэн суми-э, икэбана, чайной церемонии, сочинению стихов в стиле классической японской поэзии и пр., не говоря уже о боевых искусствах... Многие пытаются освоить все это самостоятельно – по видео и учебникам.

Наряду с «культурой цветов» за последние лет десять в России стала мощно прорастать «культура корней». Огромные массы простых граждан нашей страны стихийно и *самостоятельно* увлеклись японской культурой быта, а также массовой японской культурой (это кино, видео, фотоискусство, анимэ, японская кухня, японский дизайн, японский образ жизни). Все японское **ВОШЛО В МОДУ**. В тренд. И стало частью повседневной жизни. Особенно среди молодежи. Интересно, что к культуре «корней» могут относиться явления интеллектуального ряда. Пример – повальное увлечение российской публики отдельными представителями качественной массовой культуры Японии – в частности, творчеством Мураками Харуки, японскими анимэ, например, Миядзаки Хаяо, фильмами кинорежиссера Китано Такэси, высокой модой (например, стилем отдельных модельеров – звезд мирового подиума), а также *массовой литературой* – особенно манга, детективами, кайданами (японскими «страшными рассказами»), японским хоррором (J-horror) и т.д. Этот процесс совершенно неуправляем и развивается сам по себе.

Ничто не возникает на пустом месте. Нынешнему буму любви к японской культуре и литературе предшествует более чем вековая история любви россиян к

Японии. Причем интерес к нашему восточному соседу практически всегда был устойчивым и постоянным, хотя время от времени перемежался бурными всплесками. Эта любовь *всегда* носила «лихорадочный», немного болезненный характер, что называется, *«любовь с придыханием»*.

С «придыханием» дилетантского обожания и восторга – часто без понимания, или понимания сути японской культуры ровно «наоборот». Так было в самом начале – в период эстетического «японизма», так было в советские времена, то же самое происходит сейчас – в постсоветской России. Любовь с оттенком всепрощающего идолопоклонничества. Обожание рукотворного мифа...

Не хочу сказать, что это плохо. Любовь всегда лучше, чем нелюбовь... или ненависть к соседу. Но еще лучше, когда любовь не слепа, а образ объекта любви не страдает диспропорцией и не воспринимается в искаженном виде. Именно литература (в переводах на русский язык) способна дать объективную картину жизни в Японии, но как раз тут-то и возникает конфликт.

Рассмотрим подробнее историю литературных и культурных взаимосвязей России и Японии. Это общеизвестные факты, о них писали и говорили многие японоведы, однако придется обозначить еще раз некоторые вехи для воссоздания целостной картины издания и переводов японской литературы в постсоветской России.

Четыре возраста любви

Помимо весьма основательного, научно-первопроходческого литературного интереса к Японии (Николай Японский (Касаткин), писатель И. Гончаров – участник экспедиции Е. Путятина, участник той же экспедиции В. Римский-Корсаков, литератор В. Крестовский – секретарь командира фрегата "Диана" и пр.) на *первой* стадии российской любви к Японии наблюдался стихийный, возникший на волне европейского *японизма* интерес творческой российской интеллигенции к японской экзотике. Начало XX-го века – поиск новых форм в русском искусстве.

Европе вдруг открылась Япония – с её горой Фудзи, с непонятной, но такой завораживающей поэзией танка и хайку, гейшами и самураями, веерами и кимоно, мечами, гравюрами укиё, без плана и перспективы, – но невыразимо прекрасными... Эта страна кукольных домиков и дивных пейзажей свела с ума своей неповторимой экзотикой сначала Европу, а следом Россию. Это был *первый бум* интереса к Японии в России.

За последние полтора столетия таких всплесков *массовой* увлеченности Японией в России было, пожалуй, четыре. Назовем это так: **ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ЛЮБВИ**.

Первый возраст

Первый возраст любви относится к рубежу XIX-XX веков. Его главный знак – очарованность эстетической простотой японского искусства. Это чувство пришло в Россию через Европу. Россия увидела – и влюбилась.

В красоту японского фарфора, гравюры, декоративного искусства, с которыми она познакомилась благодаря первым выставкам, проходившим в Москве и Санкт-Петербурге (организованных С.Н. Китаевым), а также страсти к собирательству редкостных заморских вещей некоторых русских аристократов (например, князя С.А. Щербатова). Причем, русская интеллигенция увлеклась не только японским искусством, но и японской поэзией. Первые опыты переводов на русский японских танка и хайку относятся именно к началу XX-го века, например, есть чрезвычайно удачные переводы К. Бальмонта, переведившего с прозаического подстрочника, выполненного японским ученым Ямагути Моити. В частности, интуитивно адекватен подлиннику перевод Бальмонтом знаменитого хайку про ворона Мацуо Басё:

На мертвой ветке
Чернеет ворон.
Осенний вечер.

Иные выдающиеся русские поэты Серебряного века, например, Валерий Брюсов, пытались сами писать танка и хайку на русском языке. (Вернее, можно сказать, что Валерий Брюсов скорее перелагал или «авторизовал» на русском существовавшие уже «переводы» танка и хайку с европейских языков). Японские мотивы частично присутствуют в сочинениях А. Белого, В. Хлебникова, Н. Гумилева и других поэтов русского Серебряного века. Художник и поэт М. Волошин изучал японскую живопись по образцам укиё-э (во многом через призму восприятия Японии европейскими художниками и писателями) и использовал «хайку» в подписях к своим акварелям, некоторые написанные им краткостишия чрезвычайно известны:

Сквозь серебристые туманы
Лилово-дымчатые планы
С японской лягут простотой.

Переводами эти опыты с поисками экзотичных и непривычных конструкций и форм считать можно с большой натяжкой. При всей изысканной усложненности подобные стихи не передавали духа «саби» и больше походили на вычурные безделушки.

Парадокс: поражение в русско-японской войне не привело к краху культурных обменов. Напротив. Восхищаться Японией и её уникальным искусством и поэзией русская творческая интеллигенция продолжала даже во время войны. В начале 1905 г. в Петербурге и Москве с успехом проходили

выставки японских гравюр. Большим поклонником Японии был, к примеру, художник Н. Верещагин, побывавший в Японии и сделавший серию прекрасных японских зарисовок.

В журналах «Нива» и «Русское богатство» публиковались первые страноведческие статьи и переводы японской литературы. Япония оказалась стимулом к развитию многих знаменитых творцов того времени. Сергей Эйзенштейн настолько увлекся Японией, что даже хотел стать переводчиком и поступить на отделение восточных языков Академии Генерального штаба, чтобы изучать японский язык и хайку. Впоследствии именно иероглифика (пиктографический ход мышления) повлияла на его метод монтажа. Всеволод Мейерхольд также интересовался японской культурой в целом, особенно увлекался укиё-э, японским театром и даже цирком, а Борис Пильняк, вдохновившись японским полудневниковым жанром *ватакуси-сёсэцу*, написал после поездки в Японию по линии обмена писателями свой шедевр – «Корни японского солнца» (1927 г.), который, впрочем, впоследствии стоил ему жизни (в 38-м году был арестован как японский шпион и казнен).

Еще большим парадоксом явилось то, что именно поражение России в войне только сильнее подстегнуло общественный интерес к Японии, что вылилось в формирование мощной русской школы японоведов, а, следовательно, в создание *русской школы переводов японской литературы*. Н. Конрад, Н. Невский, О. Розенберг, С. Елисеев (ставший впоследствии основателем американского японоведения), Е. Поливанов и другие ученые основали отечественную школу японистики и внесли огромный вклад в развитие мирового японоведения. Именно они открыли для России истинную Японию – её историю, религию, язык, эстетику, этнографию... и *литературу*, во всей её полноте и многогранности. Академик Н. Конрад воспитал целое поколение русских японистов, он перевёл интерес к Японии из сферы дилетантского увлечения в сферу научного профессионализма. Блестящая плеяда переводчиков старой школы – Н. Конрад, А. Глушкина, В. Маркова, Н. Фельдман и их ученики делали блестящие *переводы японской классики*, прививая российским читателям вкус к хорошей литературе (они стремились переводить *красиво*).

Второй возраст

Второй всплеск интереса к Японии приходится на 70-80 годы XX века. Именно тогда появились многочисленные переводы Абэ Кобо, Оэ Кэндзабуро, Кавабата Ясунари, Акутагава Рюносукэ и др., ставшими культовыми писателями в России того периода. Переводы легли на плодородную почву, подготовленную бешеным успехом фильмов Акира Куросава в СССР. Интересный синтез протестных настроений, элементов и экзистенциализма с примесью японской экзотики обеспечил безусловное принятие этой плеяды японских авторов советской интеллигенцией, подспудно протестовавшей против ограничений советского режима и принципов соцреализма в литературе.

Тогда же начинается увлечение японским фольклором – через перевод Верой Марковой японских сказок. Именно в те годы (или даже немного раньше) зарождается всенародная российская любовь к японской классической поэзии, позже она оформляется в субкультуру русских танка и хайку. Сейчас русские хайку стали самостоятельным поэтическим жанром, в котором авторы свободно экспериментируют с формами, и создают свои каноны краткостишй, в том числе трехстиший, не копируя слепо японские образцы. Пример – набирающий популярность Международный литературно-художественный, культурно-просветительский альманах «Полевые цветы». В 70-80 гг. российские читатели знакомятся и с новой японской поэзией, например, гэндэйси, благодаря переводам на русский язык.

Что любопытно, в те времена интерес широких масс к японской культуре приобретает почти «научный» характер – сугубо профессиональная книга философа-культуролога Татьяны Григорьевой «Японская художественная традиция» становится настольной книгой многих сотен тысяч русских читателей от профессоров до простых рабочих. Иметь её на своей книжной полке – вопрос престижа.

Справедливости ради следует отметить, что интерес к японской литературе поддерживался и самим советским государством, субсидировавшим книгоиздание, хотя контроль выбора японских авторов был жестким и формировал выгодный советским правителям имидж Японии.

Поэт в России больше, чем поэт, а переводчики с японского в ту пору были больше чем переводчиками. По сути многие из них были большими писателями, в частности, фантаст Аркадий Стругацкий. Не имея возможности самовыражаться в условиях цензуры, переводчики выплескивали свой талант через переводы японской литературы, обретая некую видимость духовной свободы¹.

Изданием переводов японской литературы в те времена занимались три издательства-монополиста – «Художественная литература» издавала японскую классику, «Прогресс» (впоследствии трансформировавшийся в издательство «Радуга») издавал современную японскую литературу, «Мир» специализировался на фантастике. «Наука» издавала научную литературу, а также серию «Литературные памятники», в которую входили шедевры японской классической литературы. Благодаря госпланированию тиражей, японские книги доходили до самых отдаленных уголков СССР. Тексты переводов тщательно редактировались в издательствах, и это обеспечивало высочайшее качество. Издательские планы публиковались заранее, поклонники японской литературы целый год ждали появления новых японских книг. В день завоза тиража новой японской книги у книжных магазинов выстраивалась длинная очередь...

¹Я сознательно не перечисляю здесь имена переводчиков японской литературы на протяжении всей истории СССР, так как талантов в этой области чрезвычайно много, а эссе посвящено не столько истории вопроса, сколько современному положению дел в переводах с японского.

Я довольно долго проработала в издательствах «Прогресс» и «Радуга» в качестве старшего, а потом научного редактора. Отвечала за отбор японской литературы и переводчиков, а также за качество переводов... Была единственным в стране редактором со знанием японского языка. В те годы редактор-японист, так же как и переводчик с японского, принадлежали к своего рода элитарной «касте». Поскольку планирование изданий тоже входило в мои обязанности, я старалась «делать» больше антологий, чтобы представить российским читателям как можно больше новых японских авторов, а также дать шанс молодым переводчикам. И это удалось – многие из современных маститых японоведов прошли через школу перевода издательства «Радуга»... (Позже тем же стал заниматься в журнале «Иностранная литература» японист Григорий Чхартишвили – будущий Борис Акунин).

За период с 1980 по 1990 гг. Восточной редакции издательств «Прогресс»–«Радуга» удалось подготовить к выпуску в свет 20 томов современных японских авторов, включавших более сотни незнакомых, новых для российских читателей ведущих имен современных японских авторов. В том числе:

1980 г.

1. **Современная японская повесть**» (Миура Сюмон «Садик в ящике» (Хаконива), Го Сидзуко «Реквием» (Рэкуизэму), Кубота Сэй «Остров мертвецов» (Сисятати-но сима), Норо Кунинобу «Соломенные мечи» (Куса-но цуруги), Кодзима Нобуо «Семейный круг» (Хоё кадзоку), Сакагами Хироси «Добродетельные люди» (Ясасии хитотати).

2. **Кайко Такэси. «Горькое похмелье»** (Аои гэцуёби). Второе издание.

1981 г.

1. **«Из современной японской поэзии»** (гэндайси Мицухару Канэко, Тацудзи Миёси, Кусано Симпэй, Китамура Таро, Таникава Сунтаро)

1982 г.

1. **Ватанабэ Дзюньити. «Свет без тени»** (Муэйто)

2. **Кобаяси Кюдзо. «Август без императора»** (Тэнно-но инай хатигацу)

3. **Абэ Кобо. «Избранное»** (Чужое лицо», «Сожженная карта», «Человек-ящик» – «Танин-но као», «Моэцукита тидзу», «Хако отоко»)

1983 г.

1. **Оэ Кэндзабуро. «Записки пинчраннера»** (Пинчи-ранна-но тёсё)

Издательство «Радуга»

1984 г.

1. **«Сокровенное желание»** (Рассказы современных демократических писателей Японии 1955-1980). (Иноуэ Такэси, Симота Сэйдзи, Кубота Сэй, Накадзато Кисё, Оикава Кадзуо, Ёсикай Нацуко, Удо Тосио, Мори Ёсио, Сато

Кимико, Хирасако Сёго, Фую Тосиюки, Инадзава Дзюнко, Одзава Киёси, Окумура Тэцуоки, Гэнка Тёрё, Яхиро Фуми)

2. Ясуока Сётаро. «Хрустальный башмачок». Избранные рассказы. (Гарасу-но куцу)

1985 г.

1. Современная японская новелла. (Кайко Такэси, Кавабата Ясунари, Иноуэ Ясуси, Миура Тэцуо, Ясуока Сётаро, Ёсиюки Дзюнносукэ, Минаками Цутому, Юки Синьити, Такахаси Ёко, Нива Фумио, Инуэ Такэси, Такахаси Такако, Такубо Хидэо, Харуто Ко, Гото Мэйсэй, Сибаки Ёсико, Марумото Ёсио, Ивакура Масадзи, Курои Сэндзи, Хата Кохэй, Удо Тосио)

2. «Времена года». Из современной японской поэзии классических жанров – танка и хайку эпохи Мэйдзи (Масаока Сики, Такахама Кёси, Иида Дайкоцу, Мидзухара Сюоши, Мацумото Кёсо, Сайто Мокити, Ёсии Исаму, Сяку Тёку, Кавата Дзюн, Маэда Югурэ, Мия Сюдзи, Икэда Сумиёси)

3. Миура Тэцуо. «Блуждающий огонек» (Фую-но кицунэби). Избранное

4. «Шествие в пасмурный день» (Кумориби-но коосин). Избранные рассказы, посвященные трагедии Хиросимы и Нагасаки (Хаяси Кёко, Ота Ёко, Хара Тамики, Удо Тосио, Оикава Кадзуо, Ибусэ Масудзи, Го Сидзуко)

1986 г.

1. Кавабата Ясунари. Избранное

2. Оэ Кэндзабуро. «Игры современников» (Гэндзидай гэмү)

1988 г.

1. «Голоса Вещей» (Моно-но коэ). Антология послевоенной японской поэзии гэндайси (Таникава Сунтаро, Кора Румико, Амадзава Тайдзиро, Симидзу Тэцуо, Цудзи Юкио, Ёсимасу Годзо, Осада Хироси, Ёсиюки Риэ, Накаэ Тосио, Окада Такахико, Аракава Ёдзи, Сасаки Микиро)

1989 г.

1. Моримура Сэйити. «Испытание зверя» (Ясэй-но сёмэй)

2. Эндо Сюсаку. «Молчание». «Самурай». (Тиммоку. Самурай)

1990 г.

1. Ямамото Сюгоро. «Красная борода», «Девушка по имени О-Сэн» и избранные рассказы. (Акахигэ, Янагибаси-моногатари, рассказы)

2. «Убийство на розовой вилле». (Современный японский детектив:

Эдогава Рампо, Куроива Дзюго, Симада Кадзуо, Аюкава Тэцуя, Мацумото Сэйтё, Моримура Сэйити, Сайто Сакаэ, Тогавя Масакэ, Хикагэ Дзёкити, Сасадзава Сахо, Миёси Тоору, Кайто Эйсуке, Мидзутани Дзюн).

1993 г.

1. «Круги на воде» (Хамон). Антология современной женской прозы Японии (при поддержке Японского фонда). (Ариёси Савако, Го Сидзуко, Ёсиюки Риэ, Ямагути Юко, Ёсия Нобуко, Инадзава Дзюнко, Канай Миэко, Като Юкико, Коно Таэко, Масуда Мидзуко, Мори Ёко, Мукода Кунико, Мурата Киёко, Накадзато Цунэко, Ногами Яэко, Оба Минако, Отани Фудзико, Сата Инэко, Сато Айко, Сато Кимико, Сибаки Ёсико, Сигэканэ Ёсико, Соно Аяко, Такахаси Такако, Такэниси Хироко, Танабэ Сэйко, Томиока Таэко, Уно Тиё, Хаяси Фумико, Хирабаяси Тайко, Хираива Юмиэ, Цумура Сэцуко, Цусима Юко, Энти Фумико, Ямамото Митико).

1995 г.

1. «Кокинвакасю». Собрание старых и новых песен Японии. (При поддержке Японского фонда) в 3-х томах с комментариями и параллельными японскими текстами.

После развала СССР в 1991 году в Россию хлынула западная массовая культура, и Япония на долгие годы почти исчезла из сферы читательских интересов России. Тогда казалось, что литературные контакты с Японией оборвались, а русская школа художественного перевода с японского языка находится на грани умирания. Однако к счастью не умерла, выжила...

Третий возраст

Минуло 10 лет шоковой терапии, становления рыночной экономики и политической нестабильности. С началом относительной стабилизации положения в стране в России поднялась новая волна интереса к Японии. Наступил **ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ ЛЮБВИ**. Россия снова повернулась лицом к востоку. Вернёмся в прошлое и попытаемся понять, что происходило в области переводов японской литературы на русский язык в то время.

Большинство японских книг, вышедших с **1993 г. по 2005 г.**, составляли переиздания произведений, вышедших в период социализма, в частности, расширенные издания японской классики, а также литературы Нового и Новейшего времени, не охраняемого тогда Женевской конвенцией. За годы кажущегося «молчания» российским переводчикам, как ни странно, удалось закрасить многие «белые пятна» в переводах классической японской литературы.

В числе значительных произведений, опубликованных в *этом* период (1993-2005 гг.), особо стоит отметить антологию «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых песен Японии» – комментированный перевод А. Долина с параллельными текстами в 3 т., 1995 г., переиздана в 2001 г.) и «Синкокинсю» («Синкокинсю: Японская поэтическая антология XIII века» в 2 т., пер. И. Бороной, 2000—2001 гг.).

Также стоит отметить доработанное переиздание перевода романа Мурасаки Сикибу «Повесть о принце Гэндзи» («Гэндзи моногатари», пер. Т. Соколовой-Делюсиной, 2001 г.; первое издание – 1991 г.), комментированный перевод «Кодзики» («Кодзики: Записи о деяниях древности». В 2 т., 1993–94; Т. 2. Свитки 2-й и 3-й, пер. Л. Ермаковой, А. Мещерякова. 1994 г.), комментированный перевод «Нихон сёки» («Нихон сёки: Анналы Японии», пер. Л. Ермаковой, А. Мещерякова. В 2 т., 1997); литературный памятник «Великое зеркало» («Оокагами», пер. Е.М. Дьяконовой, 2000 г.), переводы классической и Новой японской поэзии (в том числе «Ветер в соснах. Классическая поэзия танка эпохи Эдо», пер. А. Долина, 1999 г.; «Алая камелия. Японская лирика «веселых кварталов», пер. А. Долина, 1997 г.; «Старый пруд. Классическая поэзия хайку эпохи Эдо (XVII – середина XIX вв.)», пер. А. Долина, 1999 г.; «Цветы ямабуки. Шедевры поэзии хайку «серебряного» века (конец XIX - начало XX вв.)», пер. А. Долина, 2000 г.; «Багряные пионы. Шедевры поэзии танка «серебряного» века (конец XIX - начало XX вв.)», пер. А. Долина, 2000 г.; «Масаока Сики. Стихи и проза», пер. А. Долина, 1999 г.); том поэзии дзэнских монастырей («Годзан бунгаку. Поэзия дзэнских монастырей», пер. А. Кабанова, 1999 г.) и пр.

За десятилетие с 1993 г. по 2005 г. наиболее часто переиздавались в различных составах Акутагава Рюносукэ, Кавабата Ясунари. Эдогава Рампо стал почти что своим, «русским» писателем – так часто его переиздавали и так жадно читали жанр «кайдан», похожий на русский «страшный рассказ» XIX в. – начала XX века (переводы Г. Дуткиной, Т. Редько-Добровольской, В. Скальника). По-прежнему всенародно любимы были Абэ Кобо, Оэ Кэндзабуро, Мацумото Сэйтё, которых также продолжали переиздавать. В числе достижений – «Избранные произведения» Дадзай Осаму (пер. Т. Соколовой-Делюсиной, Д. Рогозина, О. Бессоновой, С. Смолякова, А. Бабинцева, 2004 г.). К сожалению, это событие тогда прошло почти незамеченным для широкой публики.

В данный период издается ряд интересных сборников, например, «Волшебная Япония» (куда вошли японские легенды о чудесах от V в. до XVI в., составитель А. Мещеряков, 2001 г.) и «Мистическая Япония», составители Г. Дуткина и Т. Редько-Добровольская, 2003 г. (слегка дополненное переиздание сборника «Пионовый фонарь» – Японская фантастическая проза, сост. Г. Дуткина, 1991 г.).

Невозможно в рамках данной статьи указать все издававшиеся в указанные годы переводы, и уж тем более, перечислить ВСЕ шедевры японской классической литературы, а также Литературы Нового и Новейшего времени, опубликованные в советский и постсоветский периоды. Для этого читателю придется самому заглянуть в справочник «Список русскоязычных японистов» (в 2 т., М.: Вост. Лит., 2008 г.). Но и в нём указаны далеко не все фамилии и не все изданные произведения.

Однако стоит отметить еще один рубеж. Перестройка подарила нам первый перевод Мисимы Юкио – «Золотой храм» («Кинкакудзи», пер. Г. Чхартишвили, 1989 г.). В 1993–2000 гг. выходят новые переводы пьес, эссе, рассказов и романов Мисима Юкио, также в переводе Г. Чхартишвили. В том

числе роман «Исповедь Маски» («Камэн-но кокухаку»), пьеса «Надгробие Комати» («Сотоба Комати»), рассказ «Патриотизм» («Юоку»), эссе «Солнце и сталь» («Тайо то тэцу») и др. пьесы, эссе и рассказы.

Это был своего рода прорыв. Популярность среди россиян философии дзэн благодаря переводам с английского книг теоретика дзэн-буддизма Дайсэцу Тэйтаро Судзуки, а также монографий по японским боевым искусствам обеспечили триумф Мисимы. Мисима, в частности, вдохновил русского писателя Эдуарда Лимонова, который с восторгом последовал идеям Мисимы и создал партию, чем-то напоминавшую «Общество щита».

Но настоящий бум, поистине подлинный взлет популярности японской литературы начался с Мураками Харуки («Охота на овец», «Страна чудес без тормозов и Конец света», «Дэнс, дэнс, дэнс»). Хотя роман Мураками мог появиться в России на несколько лет раньше – ещё до перевода Д. Ковалениным романа «Охота на овец». В 1995 году я подавала заявку в Японский фонд на издание книги «Сэкай-но овари то хадо-бойрудо вандарленд», переведенной Ковалениным как «Страна чудес без тормозов и Конец света». Субсидию на перевод дали, а на издание – нет, мотивируя тем, что это «бестселлер, разойдется и так». Мне не удалось тогда уговорить издателя рискнуть – и напечатать неизвестного автора...

В результате через несколько лет «Охоту на овец» издал Коваленин, нашедший спонсора, которому понравилось произведение, а потом и остальные тома трилогии. Однако, должна заметить, что «Охота на овец» не имела мгновенного коммерческого успеха. Потребовалось несколько лет и мощная раскрутка в Интернете, чтобы произошёл взрыв читательского интереса. Пароксизм всеобщей страсти россиян к Мураками случился на книге «Страна чудес без тормозов и Конец света» – и с тех пор не утихает. Так что для Мураками и издательского процесса было лучше, что пальма первенства ушла к Дмитрию Коваленину...

Мураками Харуки – писатель, которого в новой России читали сразу два поколения – с одинаковым упоением, хотя и по совершенно различным причинам (теперь уже подросло третье, со своим «глобалистским» и цифровым видением мира) – обманутые «отцы» и заблудившиеся в непривычной действительности «дети» перестройки, те, кому в период краха СССР было менее 10 лет, те, кто начинал свою жизнь в советских школах и детских садах при советской власти, а потом внезапно ухнул в яму дикого капитализма.

Можно сколько угодно спорить о том, принадлежит глобалист Мураками Харуки своей японской родине или нет, но тиражи переводов вненационального, а потому понятного всему миру писателя достигали тогда в России грандиозных масштабов бывших советских времен – до 50 тыс. экземпляров и выше. В рейтингах продаж крупнейших книготорговых домов и книжных магазинов переводы Мураками занимали лидирующие позиции. В числе лидеров он был тогда и по цифрам совокупного тиража.

Например, в 24-х топ-позициях одного из крупнейших в Москве торговых книжных домов – «Библиоглобус» – за полугодие с 03.01.2005 по 30.05.2005

восемь позиций были отданы книгам Мураками Харуки. Причем две из них входили в первую тройку после Пабло Козльо – «Страна чудес без тормозов и Конец света» (второе место) и «Охота на овец» (третье место). Потом Мураками и вовсе вышел на первое место («К югу от границы, на запад от солнца»). Пожалуй, это был уже не только культурный, но и социальный феномен.

В России переводится всё, что он пишет, а поэтому не стану перечислять заглавия. Не знать Мураками сейчас так же неприлично, как в годы японского бума советских времен было позорно не держать на своих книжных полках Абэ Кобо и Оэ Кэндзабуро. Мураками Харуки (наряду с японским анимэ) встал в один ряд приоритетов статусности вместе с японскими телевизорами, японскими мотоциклами и суси.

Почему Мураками (как когда-то Абэ Кобо и Оэ Кэндзабуро, а также Кавабата Ясунари) стал всенародно любимым в России писателем? На этот счет существует множество версий. Одна из них – сходство русской и японской ментальности, другая – трагедия обманутых перестройкой отцов и потерявших ориентиры детей (lostgeneration). И те, и другие так же потеряны и одиноки, как герои Мураками. А возможно, русские почувствовали в Мураками что-то своё, родное – некую щемящую ностальгию, свойственную только русской классической литературе.

В книгах Мураками помимо всего перечисленного есть ещё одно притягательное свойство. Дело в том, что они насквозь мистичны. Мистика всегда привлекала – особенно в периоды социальной нестабильности. Трудно определить жанр, в котором работает Мураками. Западные критики считают, что он пишет классические «фэнтэзи». Но в классической «фэнтэзи» герой борется с внешним злом. А герои Мураками сражаются со злом в себе. Они непродажны и чисты – и эта очень четкая авторская позиция даёт хоть какую-то надежду заблудшим и ожесточившимся душам.

Наряду с Мураками Харуки появились новые кумиры – Мураками Рю, Ёсимото Банана, потом ещё ряд новых имён молодых японских авторов – и случился очередной всплеск интереса к Японии, причём на сей раз интерес захватил не только области высокого искусства и литературы, но и сферу быта, то есть проник в повседневную жизнь самых широких слоев россиян.

Четвёртый возраст

С течением времени стереотип восприятия Японии в России менялся несколько раз, причём, очень сильно. В конце XIX века и первой половине XX века, несмотря на активную пропаганду японской пролетарской литературы, Япония в представлении россиян ассоциировалась с «гейшами – самураями – японской поэзией – Фудзиямой», в конце XX века с «Хондой» – «Сони» – экономическим чудом – философией дзэн – японскими боевыми искусствами. Затем «лейблом Японии» стали «суси – анимэ – Мураками Харуки». В последние лет пятнадцать к приоритетам добавилась икэбана, суми-э, новые виды боевых искусств, манга, косплэй, японский образ жизни и пр.

Изменился и вектор интереса. От абстрактного увлечения экзотикой и экономическими достижениями Японии россияне пришли к прагматической адаптации японской культуры к собственной жизни и внедрению её в российскую повседневность.

Теперь тиражи определяет не Министерство печати, как в советские времена, а рыночный спрос. Так что цифры красноречиво отражают интересы российского читателя. У японской классики сохраняется во все времена свой стабильный, хотя и не столь многочисленный потребитель. Читатели японской литературы Нового и Новейшего времени тоже делятся на две стабильные подгруппы – любители детективов и мистики, а также приверженцы изящной, «чистой» литературы. Официальная литературная критика, естественно, примыкает к любителям «чистой» литературы. Что касается современности, то тут едины и критики, и читатели: безусловным лидером довольно долго был, да и, пожалуй, пока остается Мураками Харуки.

С этим креном пытались активно бороться японские организации, занимающиеся продвижением и пропагандой за рубежом японской культуры – Японский Фонд и японское Агентство по делам культуры (ныне Министерство культуры). Японский Фонд способствовал выпуску на русском языке нескольких антологий современных японских авторов, в частности, в двухтомнике "Он" и "Она", вышедшем в 2001 году, где представлены подборки коротких произведений современных японских писательниц и писателей (соответственно названиям сборников). Потом последовало продолжение – сборник "Странный ветер" (собрание различных японских стихотворных форм современных японских авторов) и "Теория катастроф" (современная японская проза), а также антология современной японской фантастики «Гордиев узел» (особенно ценный своим предисловием, напоминающим мини-диссертацию, на тему истории современной японской SF).

Хорош проект «Он» и «Она» был тем, что авторы, объединённые составителями под одной обложкой, очень разные, как по тематике, так и по жанровой специфике. Но читатель, знакомясь с каждым писателем, в то же время может почувствовать все тенденции, что прослеживаются в современной японской литературе в целом. Через творчество конкретных писателей понять, чем живёт и дышит *вся* современная Япония. Но в этом же и слабость проекта: наряду с известными и хорошими авторами в сборники включены довольно слабые авторы второго ряда со своими «приземленными» темами. Этот нюанс мгновенно вызвал критику части читателей и литературоведов. *Не соответствует ожиданиям... Не ИДЕАЛЬНАЯ Япония мечты.*

А в 2003 году был запущен грандиозный по масштабам проект JLPP (Japanese Literature Publishing Project) – под эгидой японского Агентства по делам культуры.

Для его реализации была специально создана Некоммерческая организация J-LIT CENTER.

В Японии изначально проект курировал Александр Долин, тогда профессор Международного университета Акита, в России куратором была я. В России я договаривалась с издательствами, подбирала переводчиков на русский, сама переводила книги проекта, иногда делала сверку и редактуру ряда переводов, координировала работу с японским центром. В Японии «брал удар на себя», обсуждая с японской стороной спорные вопросы, и делал часть такой же работы, что была у меня, профессор А. Долин. Позже проект был передан для завершения издательству «Топпан Принтинг Ко», которое учредило JLPP OFFICE.

Идея проекта изначально была великолепна, и первые несколько лет проект процветал, в нём было занято более десятка русских переводчиков из России, а также живущих в Японии. Но со временем отбор книг загадочным японским Отборочным комитетом становился всё более странным, в списки для переводов включались произведения, которые не нравились российским издателям. Они отказывались от издания книг. В итоге издательский процесс попросту «встал».

После передачи проекта издательству «Топпан» книги снова продолжили выходить, хотя для этого потребовались немалые усилия. Издательство «Топпан» делало всё, что было в его силах. Однако в итоге проект был закрыт, хотя мог работать ещё немало лет...

Почему так произошло? Почему прекрасный проект прекратил существование?

Русский читатель очень избалован традициями высокохудожественной русской литературы, его нельзя заставить полюбить то, что, на самом деле, не безупречно. Кроме того, советская школа блистательных переводчиков с японского установила за многие десятилетия высокую планку качества и вкуса, – как переводов, так и самих авторов. Шараханье российских издательств от «слишком западных» двух Мураками и Банаана с одной стороны к стереотипу «страны гейш, самураев и Фудзиямы» с другой стороны – не слишком удачный вариант. Это раздражает эстетствующую российскую интеллигенцию. Тем не менее, такой вариант всё же «работает», если авторы хороши. А вот включение японским Отборочным комитетом проекта JLPP в списки изданий малоизвестных японских авторов недостаточно высокого уровня – это вариант совсем сомнительный.

Не стоит всё же пытаться продвигать на российском книжном рынке продукцию не самого высокого класса, только для того, чтобы показать россиянам *ВСЬ* спектр современной японской литературы. Издательский проект – не литературоведческое исследование, не полигон, тут другая специфика жанра. И *такую* литературу избалованные изысканной японской поэтикой и эстетикой российские читатели однозначно не будут читать, книги не будут продаваться, а издательства откажутся издавать. Такие книги не соответствуют ожиданиям российских фанатов, создавших сами себе образ *идеальной Японии*, а потому они вызывают раздражение и неприятие.

Неизвестно, что было бы с проектом, если бы не самоотверженность издательства «Топпан» во главе с директором Огава Ясухико, а также поддержка со стороны российского издательства «Гиперион», которое взяло на себя издание «зависших» книг проекта JLPP.

Вообще во время работы над этим сложным проектом японские коллеги из J-Lit и затем издательства Toppan Printing Co во главе с директором господином Огава Ясухико работали самоотверженно, за что им большое спасибо. Прекрасный специалист по авторским правам Крис Брахам, а также Директор J-Lit Center Хиросэ Кэйко, сотрудники Кавасаки Мари, Сахара Аки и другие... Всегда буду вспоминать о годах работы с ними с чувством теплой благодарности.

В итоге общими усилиями в рамках проекта JLPP были изданы следующие книги:

1. Кадзии Мотодзиро, «Лимон» (Lemon). Пер.: Екатерина Рябова. «Гиперион», 2004
2. Хигути Итиё, «Сверстники» (Такэкурабэ). Пер.: Елена Дьяконова. «Гиперион», 2005
3. Миямото Тэру, «Узорчатая парча» (Кинсю). Пер.: Галина Дуткина. «Гиперион», 2005
4. Суэнага Наоми, «Стоиенная певичка, или Райский ангел» (Хякуэн синга гокураку тэнси). Пер.: Татьяна Редько-Добровольская. «Гиперион», 2005
5. Исихара Синтаро, «Соль жизни» (Вага дзинсэй-но токи-но токи). Пер.: Александр Мещеряков. «Гиперион», 2005
6. Кодзима Нобуо, «Семья Мива» (Хоё кадзоку). Пер.: Мария Горопыгина. «Гиперион», 2005
7. Ёсиоки Дзинносукэ, «До заката» (Югурэ мадэ). Пер.: Юра Окамото. «Гиперион», 2005
8. Соно Аяко, «Синева небес» (Тэндзё-но ао). Пер.: Татьяна Бреславец. «Гиперион», 2006
9. Ямада Тайти, «Лето с чужими» (Идзинтати то-но нацу). Пер.: Андрей Замитов. «Эксмо», 2006
10. Оока Сёхэй, «Госпожа Мусасино» (Мусасино фудзин). Пер.: Аида Сулейменова, «Азбука», 2006
11. Нагай Кафу, «Соперницы» (Удэкурабэ). Пер.: Ирина Мельникова. «Азбука-классика», 2006
12. Осака Го, «Косые тени далекой земли» (Сяэй харукана куни). Пер.: Людмила Ермакова. «Азбука-классика», 2006
13. Осараги Дзиро, «Ронины из Аки» (Аки роси). Пер.: Александр Долин. Т. 1 – Т. 2. «Гиперион», 2006
14. Хасэгава Син, «Пленники войны» (Нихон хорёси). Пер.: Каринэ Маранджан. «Экономическая литература», 2006
15. Иноуэ Ясуси, «Лоулан» (Роран). Пер.: Евгений Кручина. «Гиперион», 2007

16. Энти Фумико, «Цитадель» (Оннадзака). Пер.: Галина Дуткина. «Гиперион», 2008
17. Ямада Эйми, «Час кошки» (Бэддо тайму айдзу). Пер.: Галина Дуткина и Александр Кабанов. «Гиперион», 2008
18. Адзути Ацуси, «Супермакет» (Супа-макетто). Пер.: Александр Долин. «Азбука-классика», 2009
19. Миядзава Кэндзи, «Звезда козодоя» (Миядзава Кэндзи сакухинсю). Пер.: Екатерина Рябова. «Гиперион», 2009
20. Тавада Ёко, «Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов» (Ёгисино яко рэсся). Пер.: Александр Мещеряков. «Азбука-классика», 2010
21. Миябэ Миюки, «Горящая колесница» (Кася). Пер.: Ирина Мельникова. «Азбука-Аттикус», 2012
22. Накагами Кэндзи, «Карэкинада» (Карэкинада). Пер. Юра Окамото. «Гиперион», 2012
23. Коикэ Марико, «Без аккомпанемента» (Мубансо). Пер.: Алексей Зинев. «Гиперион», 2012
24. Хэмми Ё, «Теплая вода под красным мостом» (Акаи хаси-но сита-но нуруи мидзу). Пер.: Галина Дуткина. «Гиперион», 2012
25. Каваками Хироми, «Манадзуру» (Манадзуру). Пер: Людмила Миронова. «Гиперион», 2012
26. Экуни Каори, «Божественная лодка» (Камисамо-но бото). Пер.: Ирина Пурик. «Гиперион», 2013
27. «Антология современной японской поэзии» (Гэндайси-то кансё 101). Составитель Оока Макото. «Новое литературное обозрение», 2013
28. Хино Кэйдзо, «Остров мечты» (Юмэ-но сима). Пер.: Татьяна Редько-Добровольская. «Гиперион», 2014
29. Кикиути Хидэюки. «Собрание призрачного меча» (Юкэнсё). Пер.: Елена Татчикова. «Гиперион», 2014
30. Куруматани Тёкицу, «Двойное самоубийство у водопадов» (Акамэ сидзюятаки синдзю мисуи). Пер.: Людмила Ермакова и Юра Окамото. «Гиперион», 2014
31. Нисимура Кётаро, «Остров Южный Камуи» (Минами камуйто). Пер.: Александр Долин. «Гиперион», 2014
32. Цусима Юко, «Смеющийся волк» (Варау оками). Пер.: Александр Долин. «Гиперион», 2014
33. Фурукава Хидэо, «Белка, голос» (Бэрука хознай ка?). Пер.: Екатерина Рябова. «Гиперон», 2014
34. Ицуки Хироюки, «Капли великой реки» (Тайга-но иттэки). Пер.: Ирина Мельникова. «Гиперион», 2014
35. Ю Мири, «Золотая лихорадка» (Горудо рэссю). Пер. Ирина Мельникова. «Гиперион», 2014
36. Бандо Масако, «Дорога-Мандала» (Мандара до). Пер.: Евгения Сахарова. «Гиперион», 2014.

Возникает закономерный вопрос. Если в принципе хорошие книги проекта JLPP (особенно первая половина проекта) издавались в России с немалыми усилиями даже при финансовой поддержке японской стороны, а часть книг проекта так и не издана до сих пор... то чего же конкретно хотят от японской литературы российские читатели и издатели *нашего* времени?

Русская Япония

Наконец, мы подошли к главному – к тому, что происходит *сейчас* в сфере издания в России японской художественной литературы. Итак, «цветы» пустили «корни» ... Выше я уже писала о том, что за последние годы в России наблюдается удивительный феномен – огромные массы людей без всякой подсказки со стороны увлеклись Японией, в основном, культурой быта, а также массовой японской культурой. Это не просто мимолетная мода, а вполне устойчивая тенденция. Вспомним о мифологичности сознания русских. В современной России родился новый миф. Япония – это страна счастливых и здоровых людей. Япония ассоциируется у новых россиян с жизненным успехом и долголетием. Страна – чудо, где счастливы все. Какую литературу о Японии хотят читать эти новые россияне?

У меня хранится уникальный, чрезвычайно интересный документ – справка, выданная мне Книжной палатой за период 2003-2007 гг. В эти годы как раз раскручивался проект JLPP, когда книги проекта издавались успешно, что видно из приведенного выше списка. И даже продавались.

В 2005-м году основная часть издательств была сосредоточена в Москве и Санкт-Петербурге. Государство больше не субсидировало книгоиздание, как в советские времена, поэтому издательства должны были издавать продукцию, которая принесет гарантированную прибыль, – то есть, ориентироваться на спрос покупателей. Так что же покупали в те годы оживления в экономике российские читатели из японской литературы – иными словами, что приносило издательствам прибыль? За этой статистикой я и обратилась в Книжную палату, куда поступают данные со всей страны.

Запросы я сформулировала так:

1. Списки переводных изданий японской художественной литературы.
2. Переводные издания японской литературы нон-фикшн.
3. Сведения об издании серий японской литературы.

Период: 2003-2007 гг.

И вот что я получила. Цифры красноречиво говорят об интересах российских читателей и издателей в области японской литературы в те годы возрождения интереса к японской литературе в России.

В 2003-2007 гг. выпускались следующие серии:

Издательство «Гиперион» (Санкт-Петербург) издавало в те годы 2 серии – «Японская классическая библиотека» и «Terra Nirronica».

Издательство «Иностранка» (Москва) издавало 3 серии – «Новая японская проза», «В иллюминаторе Японии», «Антология современной японской литературы».

Издательство «Северо-Запад-Пресс» издавало серию «Золотая серия японской литературы».

Прочие издательства также издавали японские книги, но в составе других серий, поэтому они, как правило, проходили незамеченными.

В общей сложности всеми издательствами за указанный период было выпущено 200 позиций – переводов японской литературы. Из них 20 позиций – произведения классической японской литературы, в основном переиздания (поэзия Басё, легенды и сказки Японии, произведения Ихара Сайкаку, классическая поэзия и пр., о новых переводах речь шла выше), 20 – произведения знаменитых писателей Нового и Новейшего времени, в основном переиздания (в том числе Абэ Кобо, Танидаки Дзюньитиро, Акутагава Рюносукэ, Кавабата Ясунари, Эдогава Рампо и пр., 26 переизданий книг Мисима Юкио, почти 70 новых изданий и переизданий произведений Мураками Харуки, *почти 20 книг по проекту JLPP, о котором я подробнее остановлюсь чуть ниже (из них 2 книги были раскуплены почти сразу после выпуска – «Ронины из Аки» Осараги Дзиро и «Узорчатая парча» Миямото Тэру).* Также представлены Симада Масахико, Судзуки Кодзи, Фудзисава Сю, Такахаси Румико, манга (12 позиций), Ёсимото Банана (6 позиций)².

Набор имен достаточно хаотичный и не слишком репрезентативный, но выводы сделать можно. Об этом немного ниже.

Что касается *нон-фикшн*, то там наблюдается такая картина.

По отраслям знаний (тема – Япония) было издано:

Управление, менеджмент – 7 позиций.

Цивилизация, культура – 16 позиций.

Журналистика – 1 позиция.

Познавательная литература для детей – 8 позиций.

Философия – 14 позиций.

Психология – 10 позиций.

Этика, мораль, практическая философия – 4 позиции.

Религии дальневосточного происхождения (в том числе синто) – 5 позиций.

Буддизм – 8 позиций.

Христианство – 9 позиций.

Общественные науки, социография – 15 позиций.

Общество, социальные процессы – 4 позиции.

Политика – 6 позиций.

² Разумеется, в Справке указаны и названия произведений, и имена переводчиков, но сейчас нас интересуют тенденции, поэтому здесь приходится «оперировать» категориями «позиций» и именами только японских авторов.

Международные отношения – 9 позиций и т.д.

Интересный факт. Выявился колоссальный интерес к *военному делу, военному искусству, военным наукам и вооруженным силам Японии* – издано 90 позиций! Около 60 позиций посвящены *японской гигиене питания, системам оздоровления, физиотерапии (все тот же пресловутый здоровый японский образ жизни)*. По *питанию и японской кухне* – более 30 позиций.

Достаточно много книг по искусству, если объединить книги из разных разделов, то получится около 40 позиций (в основном альбомов гравюр).

20 позиций отдано боевым искусствам и традициям.

Языкознание, японский язык, словари – около 100 позиций!!!!

Переводы с английского и других иностранных языков на тему Японии носят в основном «экзотический» характер (о гейшах, самураях).

Из приведенных цифр ясно, что *современная японская художественная литература* отнюдь не числится в приоритетах российских читателей того периода (за исключением, пожалуй, Мураками Харауки).

Возвращаясь к проекту JLPP

Вернемся еще раз к проекту JLPP – к тому начальному периоду, когда книги проекта издательства брали довольно охотно и в целом неплохо продавали. Поскольку на той стадии проекта я тесно взаимодействовала с издательствами, то мне было известно, насколько хорошо продавалась та или иная книга проекта JLPP. При том что в указанный период было издано почти 20 книг в рамках проекта JLPP, действительно удачными, соответствующими вкусам и высоким по качеству книгами читатели сочли «Ронинов из Аки» Осараги Дзиро и «Узорчатую парчу» Миямото Тэру. Только они разошлись очень быстро, и люди до сих пор ищут эти книги, даже пишут мне в личку в соцсетях с просьбой помочь купить.

Получили очень высокую оценку издателей и координаторов «Лоулань» Иноуэ Ясуси, «Цитадель» Энти Фумико, «Теплая вода под красным мостом» Хэмми Ё, сборник произведений Миядзава Кэндзи «Звезда козодоя», «Манадзуру» Каваками Хироми, «Лодка богов» Экуни Каори, «Пленники войны» Хасэгава Син, гениальная, на мой взгляд, «Дорога-Мандала» Бандо Масако. Интересна книга Исихара Синтаро «Соль земли»... Все эти книги относятся к разряду литературы мейнстрима очень высокого уровня, добротной «сделанной» первоклассными японскими писателями. Переводчики также были отобраны самые лучшие, над текстами работали японские сверщики. Оформление книг было безупречным, что касается «Гипериона», то книги проекта JLPP входили в отдельную серию. Так почему все-таки не случилось ожидаемого ажиотажа? Из статистики Книжной палаты и данных издательств о продаже тиражей можно сделать несколько выводов.

Первое: несмотря на бум японской культуры в России, японская *современная литература* пока не числится в приоритетах у широких масс и даже у людей, интересующихся Японией. Гораздо больший спрос имеют *японская классика и фольклор (особенно поэзия и сказки)*, а также книги по японскому

образу жизни, кулинарии, боевым искусствам, словари и учебники японского языка. Если бы не 17 авторов, изданных в этот период при финансовой поддержке японской стороны, набор имен современных японских писателей, публикуемых в России, был бы совсем скуден (я сейчас не говорю о тиражах, например, Мураками Харуки).

Второе: те, кто все же читает *современную* японскую литературу, отдают предпочтение не серьезной прозе, не «чистой» литературе, а массовой – *детективам, триллерам, мистике и фантастике (кайданы), манге* всех жанров и прочему приятному, легкому и экзотическому чтиву, которое не требует особой работы ума и души. Так что, при рассмотрении бума Японии в современной России, полезно было бы этот «бум» правильно структурировать.

Третье: из произведений японского мэйнстрима имеют шанс на успех только действительно хорошие книги лучших японских авторов. Второстепенные авторы, которых порой пытаются продвинуть Японский фонд и другие организации-спонсоры, не воспринимаются публикой, избалованной гениальными образцами японской классики в гениальных же переводах первой и второй волны советских японоведов... К тому же они *не соответствуют ожиданиям*, разрушают миф об *идеальной Японии*.

Ну и еще. Даже очень хорошая книга требует раскрутки, что показал нам пример с Д. Ковалениным и Мураками Харуки, изложенный выше. Тезис «раскупят и так, потому что в Японии это бестселлер», не соответствует действительности. В проекте JLPP никакой, даже самой минимальной, рекламы не было, подозреваю, что тоже из принципиальных соображений японских спонсоров. Именно поэтому произошла печальная история с переводом культового японского писателя Миядзава Кэндзи. Когда книга Миядзава, о которой так страстно мечтали многие, вышла, это событие никто не заметил – даже Японский фонд... Хотя уж эта-то книга заслуживала презентации...

И в заключение замечу, что в таких крупномасштабных японских литературных проектах, как JLPP, требуются постоянные консультации по отбору книг для издания с российской стороны – не только с издателями, но и с переводчиками, и литературоведами-японистами.

К счастью, издательство «Гиперион» издало «зависшие» книги проекта в своей серии, – и практически все произведения всё же нашли своего читателя. Всё закончилось хэппи-эндом.

Пока я писала это эссе, пришла новость о том, что директор издательства «Гиперион», Сергей Смоляков, был удостоен японского Ордена Восходящего солнца пятой степени за заслуги в области распространения в России японской культуры. (ТАСС, 3 ноября 2014 г.).

Это был прекрасный финал!..